

МОЛОДЕЖЬ В ОНЛАЙН-ПОЛИТИКЕ

YOUTH IN POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Научная статья / Research article

Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России

Е.О. НегровСанкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено роли и особенностям молодежного политического онлайн-активизма в современной России. Рассмотрены актуальность, основные аспекты и критерии эффективности молодежной политики в области коммуникации. Предлагаются основные шаги, направленные на повышение эффективности такой коммуникации, связанные с четким формулированием потребностей различных групп людей с помощью грамотного социально-политического мониторинга с проведением независимых количественных и качественных исследований; выстраиванием конструктивного диалога, способствующего позитивной, конструктивной и конвенциональной активизации политического поведения молодежных групп; работой на преодоление аполитичности и абсентеистских тенденций молодежи, а также расширением политико-управленческой концепции «Электронное государство» не только формально, но и содержательно. Далее анализируется структура протестного поведения, выделяются несколько уровней рассмотрения протеста, каждый из которых имеет свою специфику и особенности анализа. Это уровень глубинных причин и конкретных мотивов для появления публичного протеста; уровень доминирующего стиля публичного манифестирования каких-либо протестных настроений, имеющий свое основание преимущественно в психоэмоциональной сфере; и, наконец, уровень особенностей политического поведения с вполне конкретными тактиками и стратегиями протестного поведения. Также обращается внимание на тот факт, что молодежь как социальная группа неоднородна и представляется целесообразным разделить ее возрастную структуру на три стадии (от 14 до 20, лет, от 21 до 24 лет, и от 25 до 30 лет). Заключительная часть статьи посвящена моделям виртуального протестного поведения. Выделяются модель полного неструктурированного протеста; деятельностно-целевая кооптационная; проактивно-лоялистская; адаптационно-фрустрационная; политизированно-гражданская и локальная модели. Полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенные особенности онлайн-мобилизации как исходя из особенностей функционирования виртуального пространства, так и с точки зрения основного объекта исследования – молодежи и специфики ее идентичности и алгоритмов политического поведения. Все это позволяет говорить о релевантности выстраиваемых моделей

© Негров Е.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

классификации различных механизмов мобилизации, что обуславливает практическую значимость исследования.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политическое поведение, молодежная политика, онлайн-активизм, виртуальное пространство, публичная политика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Для цитирования: *Негров Е.О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 18–30. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Role and Features of Youth Political Online Activism in Modern Russia

E.O. Negrov

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The presented article is a study dealing with the role and characteristics of youth political online activism in modern Russia. The relevance, main aspects and criteria of the effectiveness of youth policy in the field of communication are considered. There are following basic steps suggested: to improve the effectiveness of such communication associated with a clear articulation of the needs of various groups of people through competent socio-political monitoring with independent quantitative and qualitative research. Building a constructive dialogue to promote positive, constructive and conventional activation of the political behavior of youth groups; work to overcome the apolitical and absentee tendencies of young people, as well as the expansion of the political and managerial concept of “Electronic state” not only formally, but also substantively, are among these steps. Further, the study analyzes the structure of protest behavior, distinguishes several levels of protest consideration, each of which has its own specifics and features for the analysis. This is the level of deep reasons and specific motive for the emergence of a public protest; the level of the dominant style of public manifestation of any protest moods, which has its basis in the predominantly psycho-emotional sphere; and, finally, the level of peculiarities of political behavior with very specific tactics and strategies of protest behavior. It draws attention to the fact that youth as a social group is heterogeneous and it seems appropriate to divide its age structure into three stages (from 14 to 20, years old, from 21 to 24 years old, and from 25 to 30 years old). The final part of the article deals with the models of virtual protest behavior. The model of a complete unstructured protest is highlighted; activity-target co-optation; proactive-loyalist; adaptation and frustration; politicized civil and local models. The results obtained to date make it possible to record the essential features of online mobilization, both based on the features of the functioning of the virtual space, and from the point of view of the main object of research: youth and the specifics of its identity and algorithms of political behavior. All this allows us to speak about the relevance of the constructed classification models for various mobilization mechanisms, which determines the practical significance of the study.

Keywords: political communication, political behavior, youth policy, online activism, virtual space, public policy

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31753 “Youth of Metropolis as a Social Basis for Public Protest: Prerequisites, Technologies, Forms, Risks and Effects of Political Online Mobilization”.

For citation: Negrov, E.O. (2021). Role and features of youth political online activism in modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 18–30. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Актуальность, роль, основные аспекты и критерии эффективности молодежной политики в области коммуникации

Мировая карта культурных ценностей, так называемая «диаграмма Инглхарта», созданная классиком современной политической социологии Рональдом Инглхартом, убедительно фиксирует наличие мировых существенных сдвигов от социального конформизма и патримониализма к идее гражданского участия и самопознания [Инглхарт 2018]. Манифестируемая, причем практически на всех уровнях, активизация гражданской инициативы наблюдается сегодня и в России, а в молодежной среде это проявляется едва ли не самым выпуклым образом¹. При этом отношение к этим процессам вполне амбивалентное – так, с одной стороны, органы власти практически всех уровней декларируют необходимость привлечения молодежи к осуществлению и влиянию на политические события², а, к примеру, у всех парламентских партий в России есть свои юридически оформленные молодежные отделения, почти всегда с разветвленной региональной структурой³, но с другой – на уровне официального политического и академического дискурсов высказываются серьезные опасения по поводу возможных негативных последствий для стабильности политической системы всякого рода молодежной активности⁴.

Ключевыми и приоритетными целями государства в области молодежной политики официально заявлены совершенствование правовых, социально-

¹ См., к примеру: [Ахчиев 2020; «Пересборка митинга» 2018; Ушкин 2014 и т. д.]; Леонов С. Почему в России растут протестные настроения / портал URA.RU. – 2020, 08.01.20. – URL: <https://ura.news/articles/1026279424> (дата обращения 30.10.2020); Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г.: доклад независимой исследовательской группы «Группа Белановского» / личный сайт С. Белановского. – URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 30.10.2020);

² См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Распоряжение Правительства РФ от 29.11.14 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/662e0e7aa555bcfc2aee8f8b2bd98385e4e74ee4 (дата обращения: 25.10.2020).

³ См. официальные сайты всех парламентских партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»).

⁴ См.: Галанина А. Николай Патрушев заявил о росте влияния несистемной оппозиции на молодежь // Коммерсантъ. 2020. 30 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/4556776>; [Пономарев и др. 2018; Пырма 2019; Риэкиннен 2017].

экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны⁵.

При этом в полный рост встает вопрос эффективности и критериев ее измерения проведения молодежной политики в целом и государственных инвестиций в молодежную политику в частности. Простым увеличением финансовых вложений существенного прогресса в повышении конвенциональной гражданской активности добиться нельзя – это показали как так называемые «тучные» годы экономической стабильности и развития (с 2008 по 2014 г.), так и последовавшие за ними годы менее благоприятной экономической и политической конъюнктуры. Прежде всего, представляются целесообразными следующие шаги:

- четкое формулирование потребностей различных групп людей «на местах» с помощью грамотного социально-политического мониторинга с проведением независимых количественных (анонимные опросы) и качественных (фокус-группы, глубинные интервью) исследований;
- выстраивание конструктивного диалога, способствующего позитивной, конструктивной и конвенциональной активизации политического поведения всех групп, и в данном контексте, в первую очередь, молодежи, а также создание условий для такого диалога;
- работа на преодоление аполитичности и абсентеистских тенденций молодежи. Аполитичность, с одной стороны, является поколенческой чертой, всегда присущей данной страте общества в определенный период ее развития, а, с другой стороны, ее усугубление приводит к непониманию или радикальному толкованию протекающих в государстве политических процессов и уверенности в невозможности легальными и конвенциональными методами изменить ход принимаемых властных решений. Используя в том числе и эмоциональную нестабильность молодежи, разные сообщества, изначально настроенные деструктивно, аккумулируют протестные настроения в социуме, канализируя их зачастую весьма экстремистским способом и обостряя тем самым общественно-политическую обстановку в стране;
- расширение политико-управленческой концепции «Электронное государство» не только формально, но и содержательно с тем, чтобы увеличить доверие граждан к власти, соединив при этом государство и гражданское общество при помощи различных информационных инструментов.

---

⁵ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Распоряжение Правительства РФ от 29.11.14 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/662e0e7aa555bcfc2ace8f8b2bd98385e4e74ee4 (дата обращения: 25.10.2020).

Онлайн-активизм внутри структуры протестного поведения: методы и возможности анализа

Очевидно, что массовое распространение и проникновение цифровых каналов коммуникации, существенно увеличившееся в 2020 году из-за объективных пандемических обстоятельств, способствовало и способствует появлению и развитию новых форм политического поведения и политического участия граждан. Цифровой формат общественного акционизма охватил ряд крупнейших городов Российской Федерации. Площадкой для сетевых демонстраций и акций стали официальные платформы Яндекса (Яндекс-Навигатор и Яндекс-Карты), виртуальные протестные мероприятия были зафиксированы в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Красноярске, Волгограде, Краснодаре, Хабаровске и других городах [Ахременко и др. 2020; Гаврилов, Макаренко 2020].

Мы согласны с рядом исследователей, в частности с классиком современной российской политической социологии и одним из основоположников качественных исследований в Российской Федерации С. Белановским⁶, в том, что внутри современного российского общества можно зафиксировать тенденцию к росту протестных настроений. Очевидно, что в связи с общемировыми тенденциями (усиление ценностных расколов, усугубление экономического кризиса, тяжелая и непредсказуемая пандемическая ситуация и т. д.) такого рода усиление фиксируется в большинстве стран мира, причем есть места, где оно уже приняло весьма радикальные и неконвенциональные формы (массовые беспорядки в США, революция в Кыргызстане, усиление индивидуального терроризма во Франции, длительные и массовые общественные выступления в Беларуси и т. д.). При этом специфика социального протеста в России состоит в его неравномерности, дисперсности, более рельефном выражении в отдельных стратах, как пространственно-территориальных (крупные города), так и социально-демографических (молодежь).

Следует отметить, что тематика молодежного протеста в первые десятилетия XXI века, специфика и особенности трансформации этого процесса представляют предмет достаточно пристального анализа мирового научного сообщества [Graham 2002; Handbook of Identity... 2011; Herrera 2012]. Также свое отдельное освещение получает проблема именно молодежного политического протестного поведения в наступившую «цифровую эпоху», делающую не столь существенными, как раньше, различия между реальным и виртуальным, а сами эти различия – отдельным предметом для исследования [Кафтан 2018; Структура и дискурс... 2017; Титов 2020 и т. д.]. Также в этой связи играют весьма важную роль исследования, связанные с проблемами

---

⁶ Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г.: доклад независимой исследовательской группы «Группа Белановского» / личный сайт С. Белановского. URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).

идентичности и проблемами отдельных «поколенческих» групп населения, в нашем случае – собственно, молодежи, через призму протеста [Мы не немые... 2014; Структура и дискурс... 2017; Ушкин 2014].

Сам по себе социальный протест – достаточно давний и хорошо изученный концепт [Handbook 2011; Калиев 2020 и др.], но его специфика в постоянно меняющемся мире, как с точки зрения развития технических средств выражения и манифестирования этого протеста, так и с точки зрения появления все новых и новых поводов к его выражению, непрерывно меняется, и моделирование определенных универсальных алгоритмов и уровней протеста должно явиться не только значимой в теоретическом плане, но и практически полезной задачей. В этой связи выделим несколько уровней рассмотрения протеста, каждый из которых имеет свою специфику и особенности анализа:

- 1) **глубинные причины** и конкретные **мотивы** для появления публичного протеста. На этом уровне следует выделять достаточно рациональные и объективные причины, лежащие в плоскости экономики, социального расслоения, видимой и консенсусно понимаемой несправедливости в части распределения тех или иных ресурсов, и т. п. Сами эти причины могут быть выражены как во вполне конкретных показателях, которые можно измерить и классифицировать (уровень доходов на душу населения, количество коек на тысячу пациентов, транспортная связанность региона и т. д.), так и в оценке «ощущений», измеряемых социологическими методами (синтез количественных и качественных исследований). Глубина и степень возможного разрыва между «объективным» и «субъективным» в этом вопросе сами по себе будут важным показателем конфликтного потенциала;
- 2) доминирующий **стиль** публичного **манифестирования** каких-либо протестных настроений, имеющий свое основание преимущественно в психоэмоциональной сфере. Принятые, приемлемые нормы, степень их конвенциональности и брутальности сами по себе должны быть предметом для пристального изучения экспертного сообщества. Это хорошо видно, к примеру, в рамках оценки влияния на публичный стиль дискуссии в общероссийском масштабе дискурса, транслируемого федеральным телевидением [см., к примеру, Поцелуев 2008];
- 3) **особенности**, собственно, **политического поведения** с вполне конкретными тактиками и стратегиями поведения протестного – как в виртуальном, так и в реальном пространстве. И здесь изучение конкретных кейсов – от экологических «антимусорных» инициатив на границе Архангельской области и Республики Коми (знаменитый «Шиес») или вокруг одного из шиханов в Республике Башкортостан до определенных политических требований (продолжающиеся уже более нескольких месяцев события в Хабаровске, связанные с арестом губернатора С. Фургала, интрига с назначением мэра Тамбова, начавшаяся сразу после Единого дня голосования 13 сентября 2020 года и так и не закончившаяся к началу

ноября, и т. д.) – тоже может быть весьма релевантным для построения прогнозных моделей возможного развития протестных событий.

Теоретико-методологические рамки предлагаемых исследовательских практик представляют собой использование политической психологии, а также сравнительного и коммуникативного подходов. Еще классики коммуникативной социологии Э. Гидденс и М. Кастельс отмечали, что любое очерченное информационно-коммуникативное пространство формирует собственную повестку и свои «правила игры», а в случае пространства Интернета это правило подтверждается весьма и весьма выпукло – своими особыми формами и средствами манифестирования протеста, особенностями самоидентичности и самопозиционирования и т. д. [Гидденс 2004; Кастельс 2016].

В рамках же политической психологии наиболее релевантным будет анализ сущностных характеристик виртуального протеста – молодежного или любого другого, причем не только на этапе «созревания» «гроздьев гнева», но и менее наглядных эмоциональных, ценностно-мотивационных факторов зарождения и развития настроений разной степени протестности и интенсивности. Также не стоит забывать, что виртуальный контент состоит не только из вербальных или легко подверженных текстовой транскрипции единиц анализа, но и большого количества таковых, весьма и весьма трудных для такого рода транскрипции – это картинки, «мемы», «лайки», «гифки» и т. п. невербальные знаки. Тональность, эмоциональная и контекстная направленность такого рода контента должна быть проанализирована с помощью сочетания качественного и количественного контент-анализа.

Рассуждая о поколенческих особенностях конкретной социально-демографической группы, а именно молодежи в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет, нельзя забывать о реальных хронологических рамках, в которых проходили различные этапы социализации этой самой молодежи. Соответствие различных этапов социализации реальному историческому хронотопу представлено в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Соответствие различных этапов социализации современной молодежи реальному историческому хронотопу / Correspondence of various stages of socialization of modern youth to the real historical chronotope

Годы рождения / Years of birth	Возраст / Age	Периоды социализации / Periods of socialization				
		III с 3–5 лет / years	IV с 6–11 лет / years	V с 12–20 лет / years	VI с 20–25 лет / years	Зрелость / Maturity от 25 лет / years
2000–2006	14–20	2003–2011	2006–2017	2012 – н. в. / present	2020 – н. в. / present	н. в. / present
1996–1999	21–24	1999–2004	2002–2010	2008–2019	2016 – н. в. / present	н. в. / present
1990–1995	25–30	1993–2000	1996–2006	2002–2015	2010–2020	2015–2020

Источник: составлено в рамках авторской классификации и анализа периодов социализации Э. Эриксона [Erikson E. 2000] / Source: Compiled within the framework of the author's classification and analysis of periods of socialization E. Erikson [Erikson 2000].

Из представленных в табл. 1 данных видно, что молодежь как социальная группа неоднородна и представляется целесообразным разделить ее возрастную структуру на три стадии, исходя из третьего и четвертого периодов социализации, когда в полной мере проявляется стремление к выделению собственного «Я», расширяется сфера общения, а возможности семейной социализации практически исчерпаны [подробнее см. Erikson 2000]. Таким образом, можно говорить об особенностях восприятия и поведения групп молодежи от 14 до 20 лет, от 21 до 24 лет и от 25 до 30 лет.

Модели виртуального протестного поведения: опыт структурирования

Важным преимуществом виртуальных сообществ является скорость распространения информации и скорость коммуникации между его членами. Сообщества, преимущественно находящиеся в офлайне, ограничены постоянной необходимостью непосредственной работы с населением. В работе же онлайн-сообществ свобода и быстрота распространения информации является ключевым фактором, что позволяет за очень небольшое время транслировать определенные идеи, декларировать цели и задачи, решать тактические и стратегические вопросы для неограниченного круга лиц, иногда исчисляющегося миллионами пользователей.

При этом нельзя забывать, что при анализе сущностных факторов и составляющих протеста добросовестный исследователь должен опираться не только на количественные показатели (количество участников, соотношение поддерживающих, нейтральных и отрицающих то или иное предложение членов группы, число постов, лайков, перепостов и т. д.), но и всевозможные качественные характеристики (факторы, влияющие на увеличение интенсивности протеста, повышение личной мотивации участия и т. д.). В качестве универсальных единиц анализа протестной активности мы предлагаем рассматривать:

- общее количество зарегистрированных участников (на основных и сопутствующих ресурсах, с учетом «реальных», дублирующих и «фейковых» аккаунтов);
- количество просмотров постов, видеоматериалов, фотоматериалов и т. д. (пассивные действия);
- количество лайков и репостов той или иной информации, а также количество положительных и отрицательных комментариев (проактивные действия);
- детальный социально-демографический анализ участников пассивных и проактивных действий (публичное манифестирование или отсутствие такового пола, возраста, социального положения, особенностей трудоустройства и т. д.) в привязке к представленным в табл. 1 в предыдущем разделе статьи возрастным стадиям.

При этом, сравнивая и анализируя соотношение пассивных и проактивных действий, нельзя забывать одну специфическую особенность современного общественно-политического процесса – слабо обнаруживаемую на практике корреляцию между манифестированием собственной политической идентичности и декларацией готовности к разного рода конвенциональным и неконвенциональным действиям и, собственно, реальными действиями, которые можно зафиксировать в офлайне (феномен так называемых «диванных войск»). Это, на наш взгляд, связано как с рядом исторических и социально-политических причин (определенная культура «двоемыслия» и политического лицемерия – в отличие, к примеру, от социального и бытового лицемерия, намного более развитого в обществах с более сильными демократическими традициями), так и с конкретными особенностями современного политического процесса, что фиксируется в том числе и рядом наших предыдущих исследований (см., например: [Лагутин, Негров 2019]).

Тем не менее, учитывая все вышесказанное, можно выделить несколько уже вполне действующих и еще только формирующихся моделей виртуального протестного поведения:

- 1) модель **полного неструктурированного протеста** (объект протеста предельно широк и абстрактен («ситуация вокруг», «жизнь», «достало все» и т. д.); мотивация участия неструктурирована и весьма динамична). Уровень неконвенциональности и агрессивности при этом достаточно высок, велико использование тактик диффамации, употребление пейоративной и сниженной лексики, преобладание эмоционально окрашенных оценок и т. д.;
- 2) **деятельностно-целевую кооптационную** модель – с одной стороны, четкое манифестирование приверженности определенным ценностям-целям (материальное благополучие, комфортное качество жизни, свобода в принятии решений), а также потребности в самореализации, особенно свойственной молодому поколению, а с другой – наделение реальной действительности множеством недостатков разной степени определенности, которые можно, так или иначе, исправлять. При этом манифестируется готовность к участию в конвенциональных формах защиты интересов, потребность в коллективной самореализации, преобладание социал-демократической самоидентификации, обнаруживается склонность к участию в выборах при достаточно выраженном социальном скептицизме;
- 3) **проактивно-лоялистскую** модель – участие в работе различных организаций, как государственных, так и общественных, с использованием социальных сетей; достаточно активная форма защиты интересов, целерациональные причины вступления в молодежные политические организации, особенно на региональном уровне, достаточно непротиворечивая политическая самоидентификация, тяготеющая к либерализму, в целом лояльное отношение к государству при готовности

реализовывать свое активное избирательное право, социальный оптимизм или реализм;

- 4) **адаптационно-фрустрационную** модель. Здесь можно зафиксировать публично рефлекслируемый мотив противоречия между собственными индивидуальными финансовыми и карьерными устремлениями и социальными ценностями, публично поддерживаемыми официальными и лоялистским политическим дискурсом. Фиксируется достаточно высокая активность в социальных сетях, использование существенных временных и интеллектуальных ресурсов на поддержание собственной «виртуальной личности» с сравнительно малой активностью в офлайне. При этом именно в этой модели нам видится достаточно эффективный выход из такой фрустрации через волонтерское движение, различные формы активности гражданского общества и т. д.;
- 5) **политизированно-гражданскую** модель (борьба именно с политическим режимом, олицетворяемым партией власти на местах, первым лицом государства, борьба против «жуликов и воров» и т. д. Мотивы следования такой модели различны – это и преобладание ценности личной и коллективной свободы, и борьба с ее подавлением («цензура», «полицейщина», «полицейское государство» и т. д.), и сильное отторжение целей и скрытых мотивов самой власти («одна коррупция», «они отдельно – народ отдельно»), и сильное раздражение неэффективностью управления как такового, причем эта неэффективность может критиковаться с самых разных позиций – и в сфере здравоохранения и ЖКХ, и в геополитической роли страны и эффективности отстаивания ее интересов на мировой арене;
- 6) **локальная** модель, ориентирующая на решение конкретных проблем в региональном масштабе. При этом можно зафиксировать осознанную эклектичность политической и социальной самоидентификации, манифестацию способности к непоследовательным и противоречащим друг другу действиям ради достижения какой-то конкретной цели (тот же урбанизм).

Заключение

Подводя итог, можно зафиксировать, что молодежное сознание в рамках манифестирования своего политического поведения достаточно структурировано, при том, что внутри этих структур царит пресловутое политическое разномыслие. В сознании молодежи сформирован определенный образ политического поведения на современном этапе. В его основе лежат разные основания – как этические, апеллирующие к справедливости политических решений, так и прагматические, связанные со стремлением к безопасности и необходимостью принимать существующие «правила игры». Так как довольно часто молодые люди не могут понять, каким образом ключевые проблемы политических процессов соотносятся с их собственными проблемами и каким

образом публичные политические практики могут повлиять на их собственную повседневную жизнь, мы можем зафиксировать достаточно существенный разброс мнений и манифестируемых практик, что, собственно и оставляет дискуссионным вопрос о том, как именно интерпретировать сами механизмы политической коммуникации – через призму фактора стабильности или через точку зрения тлеющего конфликта и недовольства, способного существенно изменить социально-политический ландшафт современной России. Именно в этом направлении, на наш взгляд, кроются возможности для, собственно, релевантных оценок эффективности профилактики конвенциональных форм политического поведения, чтобы зреющие «гроздья гнева» не превратились в те ягодки, которые погрузят в хаос современный нам общественно-политический дизайн.

Полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенные особенности онлайн-мобилизации, как исходя из особенностей функционирования виртуального пространства, так и с точки зрения основного объекта исследования – молодежи и специфики ее идентичности и алгоритмов политического поведения. Все это позволяет говорить о релевантности выстраиваемых моделей классификации различных механизмов мобилизации, что обуславливает практическую значимость исследования.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
- Ахциев И. М. Трансформация политического поведения молодежи в современном российском обществе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXVI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 236–242.
- Гаврилов С. Д., Макаренко К. М. Характер политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.17
- Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. ISBN 5-7777-0304-6.
- Инглхарт Р. Ф. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. М.: Мысль, 2018. 334 с. ISBN 978-5-244-01202-6.
- Калиев А. А. Трансформация протестных мероприятий в условиях развивающейся четвертой промышленной революции // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 4а. С. 189–196. DOI: 10.34670/AR.2020.12.94.024
- Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. М.: ВШЭ, 2016. 563 с.
- Кафтан В. В. Формы и феномены массовой коммуникации // Журнал философских исследований. 2018. Т. 4. № 1. С. 26–42.
- Лагутин О. В., Негров Е. О. Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной

- Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 157–174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174
- Макаренко К. М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 12–20.
- Мы не немые! Антропология протеста в России 2011–2012 годов / сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту, 2014. 336 с.
- «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / А. С. Архипова, Д. А. Радченко, А. С. Титков, И. В. Козлова, Е. Ф. Югай, С. В. Белянин, М. В. Гаврилова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02
- Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150–169.
- Поцелуев С. П. Политические парадигмы. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.
- Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (6). С. 100–110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110
- Ризккинен М. А. Привлечение несовершеннолетней молодежи к общественно-политической жизни: международное право и законодательство РФ // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 36–43.
- Структура и дискурс виртуальной элиты 2.0 в России: монографическое исследование / под ред. Д. С. Мартыанова. СПб.: ЭлекСис, 2017. 124 с.
- Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139–158. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674
- Ушкин С. Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. № 8. С. 139–142.
- Erikson E. The Eric Erikson Reader / ed. by R. Coles. – N. Y.: W. W. Norton Company, 2000. 526 p. ISBN 003-933-2091.
- Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economics // Journal of Development Studies. 2002. Vol. 38. № 4. P. 100–140. DOI: 10.1080/00220380412331322431
- Handbook of Identity Theory and Research / S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles (eds.). – N. Y.: Springer, 2011. 998 p.
- Herrera L. Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt // Harvard Educational Review. 2012. Vol. 82. № 3. P. 333–352. DOI: 10.17763/haer.82.3.88267r117u710300

References

- Akhremenko, A. S., Stukal, D. K., & Petrov, A. P. (2020). Network or text? Factors of protest spread in social media: Theory and data analysis. *Polis. Political Studies*, 2, 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06. (In Russian).
- Akhtsiev, I. M. (2020). Transformation of the political behavior of youth in modern russian society. *Fundamental and Applied Research: Topical Issues, Achievements and Innovations. Collection of Articles of the XXXVI International Scientific and Practical Conference. Penza*, 236–242. (In Russian).
- Arhipova, A. S., Radchenko, D. A., Titkov, A. S., Kozlova, I. V., Yugai, E. F., Belyanin, S. V., & Gavrilova, M. V. (2018). «Rally Rebuild»: Internet in protest and protest on the internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02. (In Russian).
- Castells, M. (2016). *Power of Communication*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russian).

- Gavrilov, S. D., & Makarenko, K. M. (2020). The nature of political mobilization in the regional public space of the Volgograd Region. *Bulletin of the Volgograd State University. Series History. Regional Studies. International Relationships*, 25(3), 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.17. (In Russian).
- Giddens, E. (2004). *The Elusive World. How Globalization Changes Our Lives*. Moscow: Ves Mir. ISBN 5-7777-0304-6. (In Russian).
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How It Changes the World*. Moscow: Mysl. ISBN 978-5-244-01202-6. (In Russian).
- Kaftan, V. V. (2018). Forms and phenomena of mass communication. *Journal of Philosophical Research*, 4(1), 26–42. (In Russian).
- Kaliev, A. A. (2020). Transformation of protest measures in the context of the developing the fourth industrial revolution. *Questions of Russian and International Law*, 10(4a), 189–196. DOI: 10.34670/AR.2020.12.94.024. (In Russian).
- Lagutin, O. V., & Negrov, E. O. (2019). Models of political behavior of youth middle class of modern agglomerations: On the example of the main regions of the North-West and South Siberia. *RUDN Journal of Political Science*, 2019, 21(2), 157–174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174. (In Russian).
- Makarenko, K. M. (2020). Politicization of civil protest in the public space of modern Russia. *Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences*, 1, 12–20. (In Russian).
- Martyanov, D. S. (Eds). *Structure and Discourse of the Virtual Elite 2.0 in Russia: Monographic research*. Saint Petersburg: ElekSis. (In Russian).
- Ponomarev, N. A., Belov, S. I., & Mailis, A. A. (2018). Counteracting the growth of youth involvement in radical political protest (based on the materials of mass demonstrations in 2017). *Public Administration. Electronic Bulletin*, 67, 150–169. (In Russian).
- Potseluev, S. P. (2008). *Political Paradiologues*. Rostov-on-Don: SFedU Publishing House. (In Russian).
- Pyrna, R. V. (2019). Protest mood of Russian youth in the digital network. *Humanities. Financial University Bulletin*, 9(6), 100–110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110. (In Russian).
- Riekkinen, M. A. (2017). Attracting underage youth to social and political life: International law and legislation of the Russian Federation. *Legal Science*, 5, 36–43. (In Russian).
- Titov, V. V. (2020). Strategies of social protest of youth in Runet: A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 139–158. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674. (In Russian).
- Ushkin, S. G. (2014). Involvement of users of social networks in the protest movement. *Power*, 8, 139–142. (In Russian).
- We Are Not Slaves! Anthropology of Protest in Russia in 2011–2012*. (2014). A. Arkhipova & M. Alekseevsky (Eds.). Tartu. (In Russian).

Сведения об авторе:

Негров Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: st007528@mail.spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197).

About the author:

Negrov Evgeny Olegovich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Research of the Faculty of Political Science of Saint Petersburg State University (e-mail: st007528@mail.spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197).